

А

АЛЕКСАНДР ФЁДОРОВИЧ ВОЕЙКОВ
(1778 или 1779-1839)

ТЬМА
(Из Лорда Байрона).

Я видел сон, который не совсем был сон. Светозарное солнце погасло, звезды без лучей странствовали во мраке посреди вечного пространства; оледенелая, и как бы слепая без луны земля висела в сумрачном воздухе. Утро приходило, уходило и опять возвращалось; но не приводило с собой дня. В ужасе всеобщего бедствия, люди забыли свои страсти: самые холодные, себялюбивые сердца томились одною потребностью - потребностью света. Повсюду зажигали огни и толпились около сияющего пламени: Престолы и чертоги Царей, хижины, дома сожжены для подания знаков. Города сделались добычею пожара - и люди толпились вокруг пылающих домов своих, чтоб еще раз увидеть друг друга. Счастливы те, которые обитали близ жерла гор огнедышущих. Мир питался еще одною надеждою, смешанною с бесчисленными страхами. Зажгли леса, но пожар быстро пожирал их; скоро оставался только пепел. Древесные пни, догорев, с треском потухали, и все в прежний мрак погружалось. Их подвижное пламя бросало свет молний на чело смертных и давало им вид необыкновенный. Одни кидались на землю, закрывали лицо и плакали; другие, скрестив на груди руки, опускали голову, и силились улыбнуться. Большая часть бегала туда и сюда и хлопотала о дровах для надгробных костров своих. Они взглядывали беспокойно и мутными глазами на завесу неба, подобную гробовому крепу, заброшенному на труп мира, и потом валялись в пыли, скрежетали зубами, ревели как дикие звери и богохульствовали. Хищные птицы, испуганные, лежали почти по земле, выпускали отвратительные крики и тщетно били воздух крыльями. Самые лютые звери сделались смиренны и боязливы; змеи пресмыкались и свивались в присутствии людей; шипели, но забывали ядовитое жало. Их убивали на пищу; и скоро война, на минуту усыпленная, воспрянула с новою яростию: только кровию покупали себе хлеб насущный, и каждый, удаляясь в свой вертеп, пожирал свою добычу. Любовь забыта; у всех оставшихся в живых была одна мысль, - мысль о смерти близкой и бесславной. Мучительный голод терзал их утробу: человеки умирали и их кости лежали непогребенными. Тощие трупы пожирались людьми столь же худощавыми; псы нападали на собственных господ своих, все, исключая одного, который оставался верен трупу бывшего своего господина и защищал его от птиц, зверей и людей голодных, до тех пор, пока иные из них издохли от голода, а другие начали грызть тела издыхающих. Сей пес не хотел принять пищи; он выл жалобно и беспрестанно, и умирая лизал еще руку, которая уже не могла ласкать его.

Мало по малу голод опустошил вселенную; остались в живых только двое: непримиримые враги между собою. Они встретились подле угасающих угольев олтара, на котором лежали священные утвари, приготовленные для мирского употребления; холодными и безобразными руками разгребли они еще неиспепеленную золу, раздули огонь, который вдруг ярко вспыхнул. Они взглянули друг на друга, узнали себя, вскрикнули, и умерли, ужаснувшись своего взаимного безобразия.

Свет опустел: цветущие города, многолюдные области представляли какое-то смешение: без перемены времен года, без зелени, без деревьев, без людей, без жизни - хаос смерти, вещество неподвижное. Реки, озера, моря стояли тихи и безмолвны; ничто не нарушало молчания их бездны; корабли без пловцов гнили у берега; их мачты падали, но не колыхали вод своим падением. Волны замерли; они лежали как в могиле. Луна, имевшая влияние на их срочное движение, уже не светила. Ветры спали в стоячем воздухе; облака рассеялись: тьме в них не было надобности; тьмою покрылась вся вселенная.

Я.
Царское село.
1824.

- Впервые: Новости литературы, изданные А.Воейковым. СПб.: 1825, книжка XII - июнь. С.172-175.